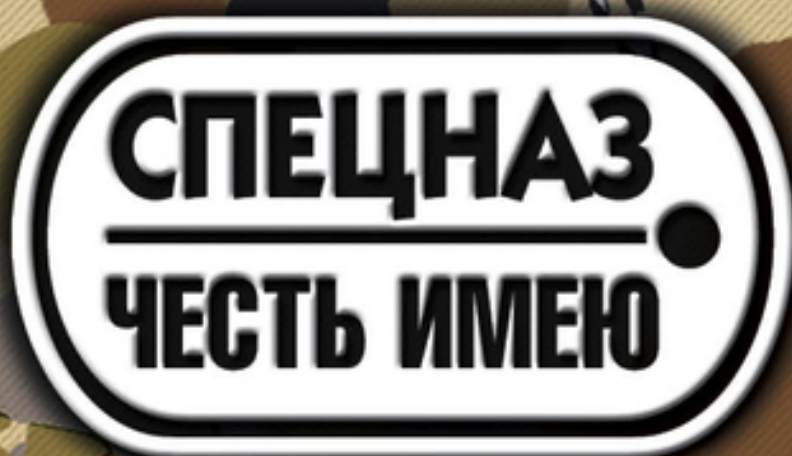

Александр
Матоников

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРАХ

МАЙОР, КОТОРЫЙ МЕЧТАЛ УБИТЬ

Спецназ. Честь имею

Александр Тамоников

Майор, который мечтал убить

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Майор, который мечтал убить / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Спецназ. Честь имею)

ISBN 978-5-699-91650-4

Во время войны в Чечне майор спецназа Павел Одинцов попадает в плен к жестокому полевому командиру по кличке Шерхан. Одинцову удается бежать, но воспоминания о пытках, которым он подвергся в плену, мешают службе, и майор увольняется в запас. Он возвращается в родной город и устраивается на работу охранником. Через несколько лет к Павлу приезжает сослуживец и предлагает отомстить Шерхану. Оказывается, банда полевого командира уже давно орудует не на Кавказе, а в центральной части России. Боевики Шерхана грабят, убивают, похищают людей. И вот теперь появился шанс их остановить. Павел сразу же соглашается. Он вдруг понимает, что все эти годы мечтал только об одном – убить Шерхана... Ранее книга выходила под названием «Ярость возмездия»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91650-4

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Тамоников

Майор, который мечтал убить

*Все, описанное в книге, является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава первая

За окном поста охраны офиса фирмы «Схом» скрипнули тормоза. Старший смены Павел Одинцов потянулся, бросив напарнику, Алексею Турову:

– Михалыч с Валерой приехали.

– Да, они, – подойдя к окну, сказал Туров. – И как ты, Паша, машину Смирнова узнаешь?

– По тормозам. Михалычу давно пора в сервис съездить и колодки сменить.

– А?!

– Иди, Леша, встречай смену.

Туров прошел в небольшое фойе, открыл двери. Вернулся с двумя мужчинами в черной форме охранного агентства «Звезда», охранявшего офис. Впрочем, это был один из десяти объектов, которыми занималась «Звезда».

– Привет, Паша! – пожал руку Одинцову Смирнов.

– Привет, Михалыч, когда колодки поменяешь?

Павел пожал руку и напарнику Смирнова, Валерию Уткину.

– Когда поменяю, – пробурчал всегда чем-то недовольный Михалыч, в прошлом прапорщик Советской армии, – времени все не хватает. Со службы на дачу, будь она неладна, жука обирать, огурцы поливать, а воду приходится из пруда носить, колодец как высох в год пожаров, так больше не наполняется. А до пруда метров пятьдесят, да внизу. Вот и бегаешь вверх-вниз с ведрами. Так набегаясь, что под вечер руки и ноги трясутся.

– Далась тебе такая дача! – заметил Одинцов. – Денег не хватает картофель и огурцы на рынке купить?

– Да по мне, гори они синим пламенем, так жена напрягает, для нее огород святое. С детства привыкла, чтобы свое в доме было, Ольга же у меня из деревни.

– Интересно, Михалыч, в военных городках вы тоже огород держали?

– Когда служил в Польше, нет, а в Союзе держали, небольшой, правда, но был.

– С тобой все ясно! Загонит тебя в могилу эта дача.

– Все там будем. Еще никто не жил вечно. Вот только срок у каждого свой.

– Что-то не по теме разговор завели.

– Это точно. – Смирнов повернулся к напарнику: – Ну, что стоишь, Валера? Пойди с Лешкой, проверьте территорию.

– Да все нормально, Михалыч, – проговорил Туров, – только что обходил.

– Положено при смене принимать объект? Значит, вперед на прием-передачу.

Молодые парни ушли. Смирнов, присев на стул рядом с Одинцовым, кивнул на монитор, который высвечивал картинку объекта:

– Спокойно ночь прошла?

– Спокойно, – ответил Павел. – Да и кому нужен этот офис? Тоже мне, банк какой. На складе только три стеллажа заняты, а в кабинетах, кроме канцелярщины, ничего нет.

– Менты наведывались?

– Подъезжали. Моргнули фарами. Я отмахнулся в окно, мол, все в порядке, и они уехали.

– А Скунс не приезжал?

Скунсом охранники называли начальника охраны фирмы Виктора Козина, от которого постоянно несло каким-то неприятным запахом. И вроде мужик как мужик, всегда во всем чистом, при галстукe, гладко выбритый, волосы вымыты, а запах издавал неприятный. Что-то похожее на смесь пота и одеколона «Шипр».

– Нет, Козина не было, – мотнул головой Одинцов.

– Повезло. Значит, сегодня в ночь припрется, проветривай после него комнату. Не знаешь, Паш, чего от него как от падали несет?

– Не знаю. Читал, в африканских племенах, что обитают в джунглях, люди с рождения имеют специфический запах. Но это для отпугивания насекомых, тварей всяких ползучих, ходячих и летающих.

– Но здесь не Африка, не джунгли, и Скунс – не абориген. Отчего же так воняет?

– Ты об этом у него спроси, – усмехнулся Одинцов.

– Ага! Он и без этого достанет. То монитор медленно переключается, то видимость ограничена, то печать не так висит.

– Пошли ты его, Михалыч, куда подальше, и все дела. Кто он для нас? У нас свое начальство есть. Объект защищен? Защищен. Все остальное никого из фирмы не волнует.

– Вообще скажу тебе, Паша, попали мы в хреновое место.

– Почему? – удивленно взглянул на Смирнова Одинцов. – Какая разница, что охранять? Главное, чтобы помещение поста нормальным было. Здесь все нормально, пульт, удобные стулья, электроплита, холодильник, кровать за ширмой, положенные часы поспать можно. Кондиционер. Правда, барахлит и почти не охлаждает, но это и к лучшему, не простудишься, а вентиляции достаточно.

– Да не о том я. Контора мутная. Мы тут уже месяц?

– Где-то так!

– Вот. А я до сих пор ни хрена не пойму, чем тут народ занимается. Слоняются туда-сюда, коробки какие-то носят, то на склад, то со склада, иногда грузят их в «пирог» – двухместную легковую машину с миниатюрной будкой. Да и народу-то – сам хозяин, главбухша, секретутка, которая не знает, куда свою выпуклую задницу примостить, да пятеро пацанов и девчат.

– Компьютерами фирма занимается, Михалыч.

– Ремонтирует, что ли?

– И ремонтирует, и собирает.

– А собирает зачем? В магазинах полно этих ящиков.

– Так в магазинах и стоит то, что собирается на фирме.

– Да ладно! Хочешь сказать, у пацанов с девушками мозгов хватает компьютер собрать?

– Хватает, значит.

– А спутниковые тарелки на хрена?

– Михалыч, ты похлеще Скунса, – поднимаясь, усмехнулся Одинцов. – Ну, на хрена могут быть спутниковые тарелки? Чтобы устанавливать их клиентам. У тебя дома кабельное телевидение?

– Не-е. Предлагали, отказался, мне и балконной антенны хватает. Так надежней!

– Дремучий ты человек.

– Это вы, молодые, умные и мудрые.

– Не забывай, Михалыч, я тоже служил, к тому же старше тебя по званию.

– Ну, извините, товарищ майор, – не без сарказма ответил Смирнов.

– Извиняю.

В помещение вошли Туров и Уткин.

– Все в порядке, Михалыч, – доложил Уткин.

Одинцов выключил аппаратуру, вытащил кассету видеомagnetофона с записью, вставил новую, щелкнул тумблером и сказал:

– Служи, Михалыч! – Затем положил отработанный видеоматериал в сейф, ключи бросил на пульт и пожелал: – Счастливого отдежурить.

Они с Туровым вышли на улицу. Несмотря на июль, с утра было прохладно. И вообще лето в этом году выдалось холодным, дождливым, хорошо, если неделю солнце светило, предоставив возможность горожанам полежать на пляже, поплавать в реке.

– Тебя домой подбросить? – спросил Одинцов у напарника, который был моложе его на восемь лет.

– Да нет, Паш! Мне недалеко, три остановки – и дома. Я на маршрутке. Приму душ, дерну пивка, перекушу, и бай! Люблю поспать.

– Ладно. Тогда давай высыпайся.

Одинцов пожал руку Турову, открыл дверь своей «семерки», сел за руль, вставил ключ зажигания. Машина завелась с полоборота. «Семерка» хоть и не новая, не престижная по нынешним меркам, но попалась хорошая. Работала как часы и за год ни разу не подвела отставного майора. Впрочем, на иномарку или машину поновее у Одинцова не было денег. Получал он неплохо, пенсия – двадцать две тысячи да двадцатка в агентстве. На одного вполне достаточно. Павел откладывал пенсию, за два года набежало под полмиллиона, на которые он купил доллары. Но вдруг открылась старая рана, пришлось лечиться. Места в госпитале не нашлось, а в больнице оставил половину из того, что откладывал. Там у него нашли столько болячек, что было удивительно, как он до сих пор еще топчет эту грешную землю, и положили в стационар. Полис Одинцов не приобрел, никогда раньше не обращался в поликлиники или больницы, поэтому за все платил. Вернее, потом, когда лечение закончилось, счет выставили. Правда, и проблему сняли, осколок, что почти пятнадцать лет сидел в нем, вытащили. Две операции делали. В общем, сейчас в запасе у Одинцова было сто восемьдесят тысяч. А что на эти деньги купишь? Да и какой смысл менять проверенную, пусть и устаревшую машину на другую, не факт, что еще такую же в плане состояния? Никакого. Так что Одинцов обходился «семеркой». На скептические взгляды соседей по дому, владельцев крутых тачек, он не обращал ни малейшего внимания. Каждый живет так, как может, и так, как хочет. Хотя последнее спорно, в этом Павел имел возможность убедиться.

Жил он в квартире, которая осталась ему от матери Дарьи Петровны, отца Павел не помнил. Матери трудно было растить сына, и дело тут не только в мизерной зарплате учительницы начальных классов. С десяти лет мальчик большую часть своего времени проводил на улице, где старшие товарищи быстро научили его курить. В двенадцать лет впервые попробовал водку. До сих пор вспоминает, как его тогда рвало на крыше родной девятиэтажки. Пашка Одинцов катился вниз по наклонной, и сидеть бы ему в «малолетке», если бы не мать. Она уговорила сына пойти в Суворовское училище. Пашка тогда не думал, что значит учеба в училище, было просто интересно. Ну, и то, что суворовцы носят военную форму, которая ему с детства нравилась, сыграло не последнюю роль. Помог и военком. В общем, оказался Пашка Одинцов, как говорилось, в «кадетке», так произошел перелом в его только начавшейся жизни. После Суворовского училища он был зачислен в военное училище. Учился неплохо, много занимался спортом. На стажировке познакомился с симпатичной девушкой Галиной, которая училась в университете. После выпуска сыграли скромную свадьбу. Казалось, вся жизнь впереди, счастливая жизнь, но... наступил 1995 год. Лейтенант Одинцов был направлен на Кавказ, всего на три месяца, в командировку. Галина осталась с матерью. Тяжелыми были проводы, обе словно чувствовали, что больше не увидят мужа и сына. Но сложилось несколько иначе...

Павел остановил «семерку» у супермаркета, недалеко от дома. Он всегда покупал продукты здесь. Затарился колбасой, пельменями, различными полуфабрикатами, хлебом, консервами, купил две бутылки водки, пару пива, сразу три блока сигарет, чтобы иметь запас и не бегать ночью в ларек, к тому же ларьки сейчас не продавали сигарет. Через полчаса с двумя объемными сумками, оставив машину за трансформаторной будкой, он поднялся на третий этаж, открыл дверь квартиры № 10 и оказался в такой родной и в то же время холодной двухкомнатной квартире, где все напоминало о матери. Павел не смог приехать на ее похороны, и на это были объективные причины. Потом успокоился. По крайней мере, он не видел мать в гробу и помнил ее живой. В обстановке, когда вернулся, ничего менять не стал, единственно, купил новые телевизор и холодильник да обзавелся стиральной машиной. В зале остались старая стенка, диван, два кресла с узким журнальным столиком, такой же старый ковер, который сначала висел на стене, а потом был брошен на пол, когда держать его на стене стало неудобно.

Шторы и тюль на окнах, открытый балкон. В его, а, вернее, в их с Галиной комнате вещи посовременнее, софа, платяной шкаф, трюмо с пуфиком, тумба с магнитофоном, двухкассетником, в свое время весьма престижным и уже с лотком для дисков. Бордовые обои на стенах, под них шторы, овальной формы ковер и картина над софой. Они купили ее на центральном рынке у какого-то местного художника, распродававшего свои «шедевры» за копейки. На кухне же так и остались навесные шкафы, стол и два стула. Раньше их было четыре. Но потом в двух, а теперь и в трех надобность отпала. Чтобы не занимать место в и так мизерной кухне, Павел отдал два стула соседу с первого этажа. На дачу. Ему же отдал старый холодильник и даже неработающий черно-белый «Рекорд». Сосед собирал все, на даче пригодится.

Сделав бутерброды и положив остальные продукты в холодильник, Одинцов открыл бутылку водки и распечатал пачку сигарет. Налил в рюмку сто граммов «Столичной», залпом выпил. Проглотив бутерброды, закурил. Подумал, что надо бы в эти два выходных дня съездить на кладбище. Почистить от сорняков могилу матери и наконец покрасить оградку, с весны собиравшаяся, да руки все не доходили. Значит, надо купить краску и пару кистей. Но это завтра. А сейчас душ и спать. Спать не хотелось, но Павел точно знал: стоит ему коснуться головой подушки, как он тут же уснет и будет спать столько, сколько надо. Выкурив сигарету и приняв душ, Павел лег на софу в своей комнате. Сейчас он мог назвать ее только своей, как, впрочем, и всю квартиру.

Обычно Одинцов спал без сновидений, но сегодня было иначе...

...Граната разорвалась под самым окном комнаты дома, в котором закрепилась разведывательная группа Одинцова. Немного не докинул боевик смертоносный кусок металла. Из соседней комнаты в сад ударил пулемет, с левой стороны прогремела очередь автомата. Из коридора было слышно, как под грохот канонады связист группы рядовой Лунько вызывает командира роты. Он уже минут пятнадцать вызывал Клен, но не мог связаться с ротным. Одинцов, выступив из-за угла, дал короткую очередь в мелькнувшие у гаража силуэты. Раздался вскрик, кого-то молодой лейтенант все же подстрелил.

– Назар! Береги патроны! – крикнул он пулеметчику, рядовому Головину.

И тут же противоположная от окна стена вздыбилась фонтанами пыли от попадания пуль. Лейтенант вновь дал очередь в проем. Но в комнату вдруг вошли его оставшиеся в живых подчиненные, сержант Шеприн, рядовой Омельчук, рядовой Головин и рядовой Лунько. Они почему-то были в штатской одежде, в джинсах, кроссовках, майках и без оружия.

– Что все это значит? Идет бой, а вы? – удивленно посмотрел на них Одинцов.

В комнату влетели сразу две мощные оборонительные гранаты «Ф-1». До взрыва оставались секунды. Последние секунды жизни молодых парней, попавших на эту бестолковую войну...

Одинцов рывком сел на софе:

– Нет! Все не так!

Он очнулся и понял, что это всего лишь сон. Упав на мокрую простынь, проговорил:

– Все было не так! Все дрались до подхода... – И вдруг выругался: – Черт! Проклятая война, сколько еще она будет доставать меня из прошлого?

Тело Одинцова было покрыто липким потом.

Он подушкой протер лицо. Отдышался. Сон вызвал не только обильное потоотделение, но и сбой дыхания. Окончательно придя в себя, Павел поднялся. Посмотрел на часы. 18.40. Неплохо же он поспал, хотел встать раньше, но... проспал. Надо было завести будильник, тогда бы не приснился этот сон. Не вернулся бы он в события почти десятилетней давности.

Павел прошел на кухню, открыл холодильник, достал начатую бутылку водки, выпил в три глотка целый стакан и закурил, глядя в окно. Ему был виден двор, в это время заполненный гуляющими молодыми мамами, бабушками, стайками детворы разных возрастов, молодыми

людьми, кучкой, громко смеясь, о чем-то разговаривавшими. Люди жили своей жизнью, и все у них было в порядке.

Одинцов вздохнул, затушил окурок, оделся в спортивный костюм и вышел на улицу. Быстро, не привлекая внимания, миновал двор, у кафе остановился. Оно манило переливающимися разными цветами гирляндами, висевшими вдоль всего фасада. Но в кафе Одинцову не хотелось, из одной камеры вышел, чтобы попасть в другую? Подумав, он направился в сквер. Когда-то этот сквер являлся местом массового отдыха жителей всего квартала. Тогда мало кто сидел во дворах, разве что мужчины, что до отупения рубились в домино, опустошая одну бутылку пива за другой. Большинство гуляло именно в сквере. Там дотемна работал торговый павильон, в котором можно было купить лимонад, пирожные, мороженое. Павел любил «Крюшон» и «Ленинградское» мороженое. Все вместе это стоило пятьдесят шесть копеек. Не каждый день, но пару раз в неделю мама давала ему такие деньги. В те годы в сквере работал летом фонтан, на открытой площадке, выставив экран, часто и совершенно бесплатно показывали фильмы, за невысоким забором просматривалась танцплощадка, где парочки танцевали под пластинки. По аллеям гуляли счастливые молодые мамы, на скамейках сидели строгие бабушки и что-то вязали, ведя между собой спокойный разговор. Попадались, конечно, пьяные, но тех брали в оборот «дружинники». В сквере постоянно находились мужчины с красными повязками. Никто не заставлял их дежурить, никто за это не платил, а за порядком следили строго. Почему все это вспомнил Одинцов? Потому что сейчас все было совершенно по-другому.

Сейчас сквер таил в себе угрозу. Освещения не было, площадки и павильон снесли, фонтан превратился в мусоросборник, вечерами там собирались, как их называли, «дети улиц». Поговаривали, что в сквере всюю торгуют разного рода наркотой. Жители квартала старались обходить сквер стороной. Только за последний год там произошло два убийства и несколько изнасилований, у входа был найден труп подростка шестнадцати лет, погибшего от передозировки героином. Но Одинцов пошел именно туда не в поисках экстрима, его в жизни хватало сполна, а просто так, потому, что это был сквер его детства. Малолеток он не боялся, мог постоять за себя, да и пойти, кроме сквера, было некуда. На улицах автомобильные пробки, повсюду бесконечные магазины, офисы, палатки, толпы людей, возвращающихся с работы. В сквере все же можно найти место, чтобы побыть одному. Тем более что и время еще было, как говорится, детское. Местная шпана и наркоши собирались там, как правило, с наступлением темноты.

Одинцов прошел пустой аллеей до фонтана, увидел справа, где раньше стоял павильон, более-менее целую скамейку и присел на нее. Откуда-то потянуло дымом, и Павел подумал, что это, скорее всего, бомжи, нашедшие здесь приют. Как бы в подтверждение его мыслей, на аллее показался пожилой, неопрятного вида мужчина в рваных кроссовках, из которых торчали два больших пальца, в костюме, явно с чужого плеча, на голом грязном теле, с длинными локонами давно не мытых седых волос и тряпичной сумкой в руках, в которой слышалось постукивание пустых бутылок.

Бомж, неожиданно увидев отдыхающего мужчину не из своей среды, ускорил шаг и через минуту встал напротив Одинцова:

- Здравствуйте, добрый человек.
- Здравствуйте.
- Вы не будете против, если я присяду рядом?

Как ни странно, от бомжа не исходил неприятный запах, не в пример начальнику охраны фирмы «Схом».

- Да садитесь, места хватит.
- Благодарю. Позвольте представиться, Виктор Семенович Тихонов, в прошлом неплохой, подававший надежды конструктор, ныне спившийся, потерявший все бомж. Лицо без определенного места жительства. Согласитесь, как странно звучит это словосочетание – бомж

XXI века. Когда-то у меня была и хорошая работа, и большая квартира, и семья, жена с двумя очаровательными дочками. Сейчас не осталось ничего, только этот сквер до холодов, зимой – подвал, да и то если удастся пристроиться у теплого места. У нас, знаете ли, тоже конкуренция. Конкуренция за право жить.

Одинцов взглянул на бывшего конструктора. Похоже, он говорил правду, а если лгал, то очень убедительно.

– И что же стало причиной вашего падения, Виктор Семенович? Наверное, злые бандиты, которые отобрали у вас и работу, и жилье, и семью?

– Я понимаю вас, но причина не в этом. Хотя бандиты тоже сыграли в моей судьбе свою роль. Однако первопричиной является моя собственная глупость.

– Даже так? Карты?

– Нет. В середине девяностых в бюро платили все меньше, часто задерживали зарплату. Впрочем, это было везде. Предприимчивые люди подались в так называемый бизнес, и, знаете, у многих это получилось, я имею в виду тех, кого знал лично.

– Короче, вы тоже решили открыть свое дело.

– Да! И у меня тоже получилось бы. Если бы не проклятый девяносто восьмой год.

– Вы имеете в виду дефолт?

– Именно. Годом раньше я взял в долг у старого, как считал, очень хорошего своего знакомого крупную сумму в долларах. У меня уже было место на рынке. Деньги отдал «челнокам», соседям по торговому ряду. Они этим и зарабатывали, мотались за шмотками в Турцию или, может быть, в подпольные мастерские наших городов и продавали товар, естественно, накручивая на них довольно высокие проценты. Но меня устраивало, что самому не приходилось ездить. Ну вот, отдал деньги, а тут этот дефолт. Соседи-«челноки» в момент исчезли, конечно, с деньгами, а хороший товарищ до срока потребовал вернуть долг. А где я мог взять двадцать тысяч долларов?

– Неплохой долг. Вы хотели скупить полрынка в Стамбуле?

– Нет, я хотел заняться торговлей дамскими дорогими шубами. Продажа одной шубы – это два месяца спокойной, обеспеченной жизни и работы тех, кто сидел на мелочах, типа маек, сорочек, брюк, обуви. А на шубы нужны хорошие деньги. Тогда у нас никто не торговал ими, я решил первым занять эту нишу. И прогорел. Просил кредитора дать время встать на ноги, а потом рассчитаться, он ни в какую. Как-то вечером позвонил и сказал, что перепродал мой долг. Я не понял, как это, перепродал. Он не ответил. Ответили другие, трое молодых крепких парней в кожанках, объяснивших, что теперь я должен деньги им. Но не двадцать тысяч долларов, а тридцать. Я сказал, у меня нет денег... Извините. – Тихонов трясущимися руками достал пачку папирос, закурил, жадно глотая дым, и продолжил: – На первый раз меня побили не сильно, для острастки, намекнув, что квартира существенно сократит долг. А жена всегда была против моей предпринимательской деятельности. Она словно чувствовала, что я попаду впросак. Так и вышло. Стоило мне заикнуться о долге и необходимости продать квартиру, она тут же собрала вещи и с дочками уехала к родителям в Красноярск. Я остался один на один с проблемой.

– Правильно сделала, что уехала.

– Что? – удивился Тихонов. – Правильно, что бросила меня в беде?

– Вам она ничем не помогла бы, а ее и дочерей бандиты могли использовать, как рычаг давления на вас.

– Каким образом?

– А вы не догадываетесь?

– Кажется, догадываюсь. Но что сейчас об этом... Извините, я не утомил вас?

– Нет. У меня еще есть время.

– Я быстро. Знаете, редко встретишь человека, который готов выслушать тебя. Кому нужен какой-то вонючий бомж?

– Не надо заниматься самобичеванием.

– Да, извините. В общем, оставшись один, я подписал все документы, которые быстро подготовили бандиты, и лишился квартиры. Но оставались еще десять тысяч долларов долга. Это они так посчитали. И я, ведущий конструктор, вынужден был бросить работу и пойти в рабы.

– В смысле, в рабы?

– В прямом смысле. Меня заставили работать на стройке. Бесплатно, подсобником. Хорошо, что хоть кормили. Ночевали в бараке для таких же рабов. И так продолжалось пять лет. Целых пять долгих, как вечность, лет. И ни разу супруга даже не поинтересовалась, как я, что со мной, не нужна ли помощь. Я, наверное, так и умер бы на этой стройке, если бы милиция не прищучила бандитов. Их всех арестовали в один день. Я оказался на свободе, но что было делать, куда идти? В моей квартире жила другая семья, бюро развалилось, в кармане только паспорт, и ни копейки денег. Помню, бродил по городу, как-то оказался на вокзале, была поздняя осень. Там познакомился с такими же бездомными, приняли в свою, как это называется, семью. Вот так я стал бомжом. Не поверите, поесть не каждый день получается. Вот сегодня день неудачный, сдал только шесть бутылок. А что на эти деньги купишь? Хлеба и папирос? Две уже позже нашел, завтра сдам. Вы не могли бы дать мне рублей сто? Поверьте, очень надо. И даже не для себя, для тех, кто хозяйничает в сквере, за право находиться здесь. Каждый день я должен платить им по сто рублей.

– Новые бандиты? – спросил Одинцов.

– Эти еще хуже, молодые волчата, безжалостные и жестокие. Им в школах бы учиться, а они здесь обитают. Непонятно, почему родители позволяют им сутки проводить вне дома?

Одинцов достал из кармана пятьсот рублей, отдал бомжу:

– Держите, Виктор Семенович, но так жить нельзя.

– Спасибо большое. Я сразу, как увидел вас, понял, что вы добрый человек. А насчет жизни? Знаю, что так жить нельзя, только жизни этой осталось совсем мало.

– Почему?

– Я неизлечимо болен. Это точно, я проверялся. Встретил случайно знакомого врача, он сейчас руководит клиникой. Мы в свое время, как говорится, семьями дружили. Он обследовал меня и выявил... Впрочем, какая разница, что он выявил. Главное то, что мне осталось жить от силы полгода. Но, думаю, зиму не переживу.

– А что, ваш доктор помочь не может? Или и ему надо платить?

– Нет. Он бы помог, только уже поздно. Мне ничего и никто не поможет. Да это и к лучшему. Нет сил больше жить так. Но ладно, я уже, наверное, надоел вам, благодарю за деньги, пойду. – Бомж поднялся.

– Подождите, – остановил его Одинцов. – Я живу один, может, пойдем ко мне? Помоемся, поужинаете, выпитесь.

– Нет, нет, что вы! Я не смогу находиться у вас.

– Но почему?

– Вам этого не понять. Извините.

Бомж торопливо пошел в сторону заднего входа и вскоре скрылся из виду. Павел вздохнул. А он думал, ему плохо. По сравнению с этим бомжом у него счастливая жизнь. Вот только что-то этого счастья не заметно. Выкурив сигарету, он поднялся и направился к центральному входу. Вроде беседовал с бездомным недолго, а оказалось, прошло два часа. Время, – он посмотрел на часы, – 21.10. По листьям деревьев ударили первые капли дождя. Метрах в двадцати от выхода Павел услышал в кустах голоса молодых парней, пацанов еще, лет по четырнадцать-пятнадцать, и одному из них приходилось плохо.

– Тебе, сучонок, что Грач говорил? Или «дурь» толкай, или возвращай «бабки». А ты ни «бабок» не принес, и «дурь» брать не хочешь? – говорил один, видимо, старший по возрасту, в его голосе звучали басистые нотки.

Тот, на кого он наезжал, ответил:

– Ну, пойми, Черный, у меня сейчас нет «бабок», мать зарплату еще не получала. Получит – отдам долг.

– Да пока твоя мамаша получит зарплату, на тебе столько повиснет, что всей получки не хватит. Бери «дурь» и отработывай.

– Нет, с «дурью» связываться не буду. Митяя вон менты загребли? Случайно загребли, и что? Теперь срок светит, а я на «малолетку» не хочу.

– Да плевать, что ты хочешь. Короче. Либо приносишь долг через час, либо берешь «дурь» и валишь на дискотеку, там ее расхватают быстро. И никаких базаров. Грач церемониться не будет, в момент из тебя калеку сделает.

Голос парня, что оправдывался, показался Одинцову знакомым. Он недолго думая через кусты проломился на небольшую, усыпанную окурками площадку, где когда-то стояли турники, и увидел четверых пацанов. Одному, старшему, было на вид лет семнадцать, двум другим – на год-два меньше. А в оправдывавшемся он узнал парня из квартиры, что была этажом ниже.

– Так! Это кто тут наркотой торговать собирается?

Парни как по команде оглянулись и тут же встали полукругом так, что Павел и соседский мальчик оказались внутри этого полукольца.

– Я, по-моему, спросил, кто наркотой торговать собирается? – повысил голос Одинцов.

– А ты кто такой? – злобно спросил старший.

– Не видишь? Человек! И он, – указал Павел на соседского парнишку, – тоже человек. А вы трое – дерьмо ишачье.

– Значит, дерьмо? – переспросил старший. Он держался уверенно, не по годам спокойно и нагло. – А как насчет пера в бочину, человек? – И достал заточку. Такие же заточки появились в руках его дружков.

– Давайте, если сможете, – усмехнулся Одинцов. – Но предупреждаю, дернетесь – жалеть не буду, отделаю так, что вас в морге не опознают. Ну, что, Черный, глядишь? Давай команду «шестеркам», и начнем забаву.

Павел повел плечами, приготовившись отбить нападение, однако старший пошел на попятную. Он не ожидал, что мужчина не испугается заточек, и увидел в нем скрытую угрозу. А на таких местные волчата не нападали. Им слабого до смерти забить ничего не стоит, никто не удержит, но с сильными связываться не в масть.

– Хрен с ним, пацаны, пусть живет пока, уходим, – бросил своим дружкам Черный.

– Э нет, ребятки, разговор еще не окончен, – остановил банду Павел. – Ты, Черный, передашь Грачу, Вороне, Чижу или как там твоего грозного шефа кличут, что он, – кивнул Одинцов на соседского парня, – никому ничего не должен. А если с ним что-то случится, то вся ваша шобла займет очень крупные неприятности. Ты понял меня?

Черный ничего не ответил, только повторил:

– Сваливаем.

Троица скрылась в кустах. Одинцов с парнем вышли на аллею и направились к выходу, не обращая внимания на мелкий, не по-летнему нудный дождь.

– Я знаю вас, – сказал парнишка, – вы над нами живете.

– Верно.

– Зря влезли, неужели и вправду думаете, что Грач послушает вас?

– Тебя как зовут?

– Колька.

– Николай, значит. Так вот, Николай, я не думаю, я уверен в том, что эти козлы больше к тебе даже не подойдут. Я эту шакалью породу знаю.

– Ага, не подойдут. Грача вы не знаете. Он сам полный отморозок, и кореша его такие же. Точняк в подъезде подкараулят и порежут.

– Нет, Коля. Грачу лишние проблемы не нужны, с его-то делишками. Черного он вздрючит, а тебя не тронет. Ты в школу-то ходишь?

– Хожу.

– Учишься, наверное, плохо?

– Нормально.

– Что-то я сомневаюсь. А как насчет спорта?

– А чего спорт?

– Спортом занимаешься?

– Дался он мне!

– Лучше по улице с такими, как Черный, шататься?

– Да я недавно с ними связался, – шмыгнул носом парень. – Раньше с Вовкой гулял, тот с семьей в другой микрорайон переехал. А че одному делать? Познакомился с Черным. Кто знал, что он меня специально втянуть в дела с наркотой хотел? И в карты подставил. Сначала играли просто так, от нечего делать, а потом появились его «корешки». Кто-то предложил сыграть на интерес. Я в тот вечер почти две тысячи взял.

– А на следующий день проиграл три, так?

– Пять! О них-то и был базар.

– Да, пацан ты еще. Так всегда бывает, когда связываешься с аферистами. Поначалу дадут выиграть, а потом в долг вгонят. И не деньги Грачу нужны, ты нужен как распространитель наркоты. Сам-то Грач торговать не пойдет, хоть и отморозок, как ты говоришь, но не дурак срок тянуть. Пусть другие тянут. Грач подставляться не будет, ему надо тихо сидеть, у него партия наркоты, за которую, если что, дельцы покруче голову в момент снимут. А продолжать наезжать на тебя – это значит подставляться. И из-за чего? Из-за пяти тысяч? Поэтому и отпустят тебя, чтобы шума не вышло. К тому же он не знает, кто я. Считаю, соскочил ты.

– А откуда вы знаете о порядках в таких делах? Ментом работали?

– Нет! – улыбнулся Павел. – Просто в детстве тоже таким же уличным был. Тогда про наркоту еще не знали, но было другое, за что тоже вполне возможно загреметь на зону. И загремел бы, если бы мать покойная не отдала в Суворовское училище.

– Так вы военный?

– Был.

Они подошли к подъезду:

– А насчет спорта, Коля, подумай. И занят будешь, и друзья настоящие появятся. В школе дела лучше пойдут. Почувствуешь силу, другим человеком станешь. И не ты будешь бояться какого-то Грача с его шайкой, а они тебя. Так что подумай. Я знаю, что говорю.

– Ладно, – кивнул Николай, – подумаю!

– Давай.

Колька позвонил в квартиру № 6, Павел поднялся на свой этаж. Он слышал, как мальчишку встретила мать:

– Явился! Я тебе что говорила? Что просила?..

Одинцов зашел в квартиру, и дальнейшие разговоры внизу стали не слышны. Прилег на диван в гостиной, включил телевизор. Шел сериал о войне на Кавказе. Он тут же переключил канал, терпеть не мог эти сказки для взрослых. На втором канале шла аналитическая передача. Куча чиновников разного рода и ранга, а еще больше президентов каких-то фондов, политиков с умными физиономиями обсуждали рост преступности в стране. Их бы из телестудии да прямиком в сквер. Нет, не пойдут, это не их дело. Их дело толкать умные речи, запудривать

зрителям мозги, а заодно и красоваться перед публикой. Павел снова взялся за пульт, но так ничего подходящего и не нашел. Дождь за окном усилился. Снизу, со второго этажа доносился голос женщины. Слов не разобрать, но голос слышно. Наверное, продолжает ругать Кольку. Да толку? Раньше надо было воспитывать. Хотя одной ей это делать сложно. Павел по себе знал. Странно, он уже год как живет здесь, а соседку снизу видел всего лишь один раз, и то мельком. Он спускался по лестнице, она заходила в квартиру. Худенькая такая, но фигуристая. Лица не видел. Встретит на улице – не узнает. Впрочем, сейчас в подъезде мало кто знал всех жильцов. Жизнь изменилась, каждый живет по принципу «моя хата с краю, ничего и никого не знаю». Неправильная жизнь, но ничего уже не изменить. Как есть, так есть. Выключив телевизор, Одинцов прошел на кухню. Допил бутылку. Подошел к окну, по которому барабанили капли дождя. Надо бы узнать, какая завтра погода, он планировал съездить на кладбище, на могилу матери.

Так прокоротал время в одинокой и холодной, хотя температура была под восемнадцать градусов, квартире отставной майор спецназа Павел Одинцов. Перед сном, по обыкновению, пошел в ванную, чтобы побриться, открыл дверь и чертыхнулся:

– Черт! Это же надо!

Из крана ванной хлестала вода, сливное отверстие закрыло упавшим с держака полотенцем, и вода переливалась через край.

– Твою мать! – Павел попытался закрыть кран, но вентиль проворачивался без всякого результата. Почему его сорвало? Надо срочно останавливать воду, иначе соседке внизу «весело» будет.

Не успел он перекрыть главный кран, как звонок в прихожей взорвался нарастающей трелью.

– Да иду, иду, чего звонить так?

Павел открыл дверь и увидел соседку.

– Что происходит, мужчина? Вы залили нас, – возмущенно проговорила она.

– Прошу прощения, так получилось, кран сорвало, пока заметил.

От него пахло водкой, и женщина, чутко уловив запах, с презрением бросила:

– Напьетесь, а потом краны забываете закрывать.

Соседка была хороша. Даже в гневе лицо ее было красиво. Накинутый наспех халат подчеркивал правильные и довольно привлекательные формы ее миниатюрной фигуры. Растрепанные волосы не портили впечатления.

– Разве я пьян? Зачем ругаться?

– Надеюсь, вы закрыли воду?

– Да, пройдите, если хотите, посмотрите.

– И пройду, посмотрю. Ведь нам надо еще кое-что обсудить, не так ли?

– Все, что угодно.

Они прошли в ванную, и Одинцов указал на кран:

– Вот полюбуйтесь, сорвало, ни с того ни с сего.

– Ни с того ни с сего ничего не происходит. Ну, что вы стоите? Уберите хоть остатки воды с пола.

– Конечно!

Павел быстро протер пол, бросил тряпку в ванну. Его поведение, видимо, пришлось по вкусу соседке. Она впервые улыбнулась.

– А что, кран действительно сорвало?

– Я же сказал, можете проверить. Непонятно, что с ним произошло. Даже побриться не успел, завтра придется сантехника вызывать. А вы хотели поговорить насчет компенсации за причиненный ущерб?

– Я неделю назад побелила потолок. Сама, между прочим, без помощников, электрик новую проводку провел к настенному плафону. А теперь ни побелки, ни света.

– Ну, со светом я сейчас и сам разберусь, а вот потолок придется перекрашивать. Но я оплачу все ваши затраты.

– Со светом хоть сейчас разберитесь, – снова улыбнулась соседка.

– Да, конечно, только обуюсь.

Они спустились в ее квартиру. Николая видно не было, наверное, мать уложила спать после нагоняя.

– И что вы будете делать? – спросила она.

– Ничего особенного. Скорее всего, патрон в плафоне замкнул, на щитке сработала защита.

Одинцов открыл крышку блоков защиты всех четырех квартир этажа. И действительно, одна клавиша была опущена вниз. Он поднял ее вверх, ожидая, что вырубит снова, все же в контур попала вода, но тумблер остался на месте, а в ванной, прихожей и кухне загорелся свет.

– Вот и все!

– Ну, хоть так! Мне еще постирать надо.

– Как вас зовут?

– А вам зачем?

– Как же еще решить вопрос по ремонту?

– Надежда Владимировна, – представилась молодая женщина.

– А я – Павел.

– А по отчеству?

– Алексеевич, но не люблю, когда меня называют по имени-отчеству, особенно молодые красивые дамы.

– Не надо. Вот этого, Павел, не надо. Я в комплиментах не нуждаюсь.

– Я сказал то, что думал. Вы, Надежда... Владимировна, действительно очень красивы, и отрицать это невозможно. Но еще раз извините, я пойду. А завтра вечером, как закончу ремонт у себя, заскочу к вам, если вы, конечно, не против, окончательно обговорим стоимость ремонта.

– Я не против, но только прошу без запаха алкоголя и без комплиментов.

– Хорошо!

– А насчет сантехника, то в ЖЭУ ходить нет смысла, там всегда все заняты и тянут деньги. У нас на четвертом этаже в пятнадцатой квартире живет Григорий Васильевич Скрябин. Он пенсионер, но в сантехнике мастер. Жильцы обычно обращаются к нему.

– Да?

– Да. И странно, что вы этого не знали.

– Ничего странного. Просто я после долгого перерыва живу здесь всего год и веду замкнутый образ.

– Это я заметила.

– Может быть, после знакомства с вами что-то изменится?

– Это вряд ли. Я имею в виду собственное участие в ваших изменениях. До свидания, Павел Алексеевич.

– До свидания, Надежда Владимировна.

Одинцов вернулся в квартиру, достал и выжал полотенце, вода ушла в канализацию. Включил главный кран, побрился и прилег на диван. Подумал, а соседка хороша. Старается показать себя неприступной, строгой, но это у нее получается плохо, потому что на самом деле она добрая. Глаза выдают это. Непонятно, почему живет одна, в смысле, без мужа. С ее характером воспитывать сына тяжело. Колька тоже знает, что мать поругает, а потом приголубит. С одной стороны, это хорошо, так и должно быть, но с другой – надо все же с ним пожестче. У

пацана тот возраст, когда только формируется характер. И то, что попал в дурную компанию, ничем хорошим закончиться не может. Надо подтянуть его к себе. К наркоторговцам он не вернется, но это не значит, что не окажется в другой плохой компании. В четырнадцать-пятнадцать лет у пацанов искаженные понятия о чести, достоинстве. Они стремятся утвердиться как личность и далеко не всегда там, где это действительно помогло бы им стать нормальным человеком.

Дождь на улице закончился. Это хорошо. Но ситуация изменилась, завтра первым делом надо пойти к пенсионеру-сантехнику, как его называла Надежда? Григорий Васильевич Скрябин. Сколько времени займет ремонт? Наверняка придется новый смеситель покупать. Но это ерунда, на рынке напротив дома этого добра навалом по любой цене. Но часа два уйдет, значит, на кладбище он сможет поехать где-то в обед. Там, с учетом покупки краски, кистей, работы с бурьяном и оградкой, еще часа четыре, в принципе нормально. В шесть можно зайти и к Надежде, обговорить плату за ремонт.

Одинцов накрылся с головой пледом, надеясь, что на этот раз кошмары войны не вернутся. Но Павел ошибся. Погрузившись в сон, он вновь оказался в доме, занятом его разведгруппой, яростно атакующейся боевиками полевого командира Вели Хатаева.

Глава вторая

Вот уже почти час продолжался бой. Боевики плотно окружили участок дома, где засели остатки разведывательной группы. Связист, рядовой Лунько, безуспешно пытался связаться с ротным, капитаном Воробьевым. Из коридора слышался его позывной:

– Клен! Я – Поиск, как слышите меня, Клен?

Ротный не отвечал.

– Лейтенант! – выкрикнул из глубины дома рядовой Головин, вооруженный пулеметом. – Заряжена последняя коробка. У меня всего пятьдесят патронов!

– Экономь боеприпасы.

– Да чего ты, твою мать, молчишь, капитан! – в отчаянии воскликнул связист.

– Спокойно, Назар, – сказал Одинцов, – вызывай ротного. Наши где-то рядом, должны услышать.

– Может, дом создает экран?

– Вызывай! Во двор или в сад ходу нет. Работай где сидишь.

– Но ни хрена не получается, командир! Я готов эту станцию зубами грызть.

– Спокойно! Держимся пока.

Одинцов, отстреляв магазин, укрылся за стеной, перезарядив автомат. И тут неожиданно горячий воздух на мгновение ударил в лицо, а в следующее мгновение в коридоре прогремел взрыв.

«Духи» от гаража выстрелили в дом гранатометом «РПГ-7». Все внутри окутало дымом и гарью.

– Живы? – крикнул Одинцов.

– У Стаса голова разбита и нога вывернута, – ответил Головин.

– Как сам?

– Дышать тяжело, а так нормально.

– Шеприн! – позвал лейтенант сержанта.

– Я! – приглушенным голосом отозвался тот.

– Цел?

– Да, вроде.

– Глянь, что с Лунько.

– А чего глядеть, мертвый он, полчерепа снесло.

– Черт, а станция?

– Разбита. Валяется в стороне, вся в дырках от осколков.

– Понял. Держимся!

За окном мелькнули силуэты, и вдруг в проеме окна показалась искаженная в истерическом смехе физиономия:

– Ну что, Паша? Все? А я говорил тебе, не играть в футбол возле дома. Вот, разбил окно, теперь отвечай.

Павел выстрелил в эту идиотскую физиономию, она исчезла, и тут же раздался странный скрежет. Слышался он сверху. Лейтенант поднял глаза – потолок медленно опускался на него.

– Шеприн! – крикнул он сержанту.

– Я, командир!

– У меня рушится потолок, что у тебя?

– А у меня он уже обрушился.

– Как так? Тогда тебя придавило бы.

– А меня и придавило. Мертвый я, командир, как Лунько. И Миша Омельчук мертв. Посмотри в окно, он на газоне лежит.

– Ты чего несешь? Как может мертвый разговаривать?

– А чем мертвые отличаются от живых? Та же голова, то же тело, две руки, две ноги, вот только между ног, – сержант рассмеялся каркающим голосом, – у баб и мужиков по-разному, но так и должно быть.

– Черт! Ничего не понимаю.

– Ты тоже скоро будешь мертвым, а жена твоя выйдет замуж за другого.

– Заткнись!

– Есть, командир, меня забирают.

– Кто? Куда?

– Ты их не увидишь, это ангелы.

– Какие ангелы, очнись, Шеприн?!

В ответ тишина.

Одинцов вновь посмотрел на потолок, до него оставалось менее метра, и он продолжал, скрежеща, опускаться вниз.

– Омельчук! – крикнул Павел.

– Я, командир! – ответил рядовой.

– Живой?

– А что мне будет? Живой пока.

– А что с Шеприным?

– Ничего, ведет огонь по своему сектору.

– Он жив?

– Да, живой, от выстрела «РПГ» Стаса убило, это да, остальные живы.

– Я перебираюсь к тебе.

– Но с вашей стороны гранатометчик!

– На меня потолок опускается.

– А?! Это бывает, когда перепьешь. У меня было, помню, месяц бухал, когда невеста за другого замуж вышла, потом бросил и тут же «белочку» словил. На меня тоже тогда потолок и стены падали. Это в палате, куда бригада определила.

– Что за бред ты несешь, Омельчук? Ты же женат!

– А это уже на другой, первая замуж вышла, когда меня в армию призвали.

– И где же ты месяц пил, в армии?

– Ну да, в учебке. Вместе с комбатом.

– Какая учебка? Ты же сразу к нам пришел.

– Не-е, это тебя обманули.

Потолок уже касался бронежилета лейтенанта.

Одинцов прыгнул в коридор и сразу увидел изуродованный труп связиста Лунько. Осмотрел радиостанцию, точнее, то, что от нее осталось. Вдруг сзади раздался какой-то шум, и он, обернувшись, увидел в проеме все ту же изуродованную физиономию. Только обладатель ее держал на плече гранатомет.

– Ну что, Паша, лови гостинчик!

Раздался хлопок, и граната, выпустив стабилизаторы, вращаясь, медленно пошла прямо на Одинцова. Она летела так медленно, что, казалось, ее можно поймать и бросить обратно в идиота-стрелка. Гранатометный выстрел прошел через коридор и взорвался в комнате, где находился рядовой Головин.

– Назар! – позвал Одинцов.

– Нет больше Назара, – раздался в ответ голос воскресшего сержанта Шеприна, – нас осталось трое, и патронов с гульки хрен. Левый фланг оголен, связи нет, что будем делать, командир?

– Всем отход в большую комнату. И, Андрей, проверь потолок.

– На хрена?

– Чтобы было до хрена. Выполнять!

Одинцов дал очередь в окна комнаты, потолок которой удивительным образом вернулся на место. И тут же в проеме появился огромного роста боевик. В руках он держал пулемет. Павел выстрелил в него, но пули отчего-то отлетели от него, как горох от стенки. Грохот и пламя ударили в лицо Одинцова...

Павел так редко спал на диване, что тот издал неистовый скрежет, когда он, поднявшись с него, громко выкрикнул:

– Все? Кто? Где? Огонь! Клен, твою мать!

В ответ тишина.

Одинцов широко открыл глаза, чувствуя, как весь покрылся холодным потом.

«Да что же это такое? К чему подобные сны?» – подумал Павел, прошел в кухню, сел на табурет и закурил. Если так пойдет дальше, придется к психологу обращаться. Это же невозможно, постоянно видеть кошмары.

До утра он больше не заснул, подремал немного и в девять утра пошел на четвертый этаж. Дверь в пятнадцатой квартире в отличие от других была обычная, обитая снаружи дерматином. Павел нажал на звонок и сразу услышал мужской голос:

– Иду!

Щелкнул замок, и Одинцов увидел крепкого еще мужчину лет пятидесяти.

– Здравствуйте. Григорий Васильевич?

– Здравствуй, он самый, а ты сосед с третьего этажа?

– Да. Павел.

– Чем могу?

– Проблема с краном. Мне посоветовали к вам обратиться.

– Правильно посоветовали, что за проблема?

Одинцов рассказал про кран, и Скрябин в ответ кивнул:

– Понятно, смеситель, поди, китайский?

– В магазине говорили, что наш, а там кто его знает?

– Торгаши всегда так говорят, а впихивают дерьмо. Ты погоди, инструмент возьму. – Скрябин вернулся в квартиру, вышел минут через пять, в рабочей одежде, с ящиком в руке. – Ну, пойдем, Павел, поглядим, как решить твою проблему.

Они спустились вниз.

Взглянув на смеситель, сантехник тут же вынес вердикт:

– Надо менять. Хреново то, что трубы стоят близко друг к другу, под них сейчас смеситель найти трудно. Современные шире.

– Может, разводку какую сделать?

– Можно и разводку, но есть вариант получше. Я тебе два отдельных крана поставлю, еще советских, износу им не будет.

– А как же душ?

– И душ организуем.

– Но как? От отдельных кранов?

– А это уже мое дело. Сделаю все в лучшем виде, вот только стоить это будет пять тысяч.

– Надеюсь, не долларов?

– В рублях, – улыбнулся Скрябин. – Мне потребуется часов шесть. Общие краны, смотрю, воду держат?

– Да, они в туалете.

– Знаю.

– Чем я могу помочь?

– Не мешай, займись своими делами. Как сделаю, примешь работу.

– Отлично, тогда я на кладбище поеду, надо могилу матери в порядок привести, пока выходной.

– Это Дарьи, что ли?

– Дарьи Петровны.

– А ты, стало быть, ее пропавший без вести сын?

– Вы знали мою маму?!

– Не так чтобы хорошо. Она умерла почти в то же время, как я здесь квартиру получил. Еще от комбината. От нее и о тебе слышал.

– И что конкретно?

– То, что «похоронка» на тебя пришла. Жена твоя уехала, а Дарья не верила, что ты погиб. Да и гроба не получала. В военкомат ходила, там сказали, что ты в горах погиб, выполняя воинский долг, тело вынести возможности не было, где убили, там и похоронили. Но она не верила. Говорила, жив Пашка, сердцем чую, да вот только сердце не выдержало. А ты, значит, действительно выжил?

– Как видите.

– Чего ж тогда тебя в трупки отрядили?

– Это, Григорий Васильевич, долгая история.

– Ну, не хочешь говорить, твое право. А почему вернулся домой только недавно?

– Служил. Уволился, вернулся. В пустую квартиру.

– Понятно. Вот оно как в жизни бывает. А сердце матери не обманывало. Ты езжай, Павел, я все в лучшем виде сделаю, заодно трубы, батареи посмотрю. Ты только ключи оставь. Потом поднимешься, заберешь.

Одинцов передал сантехнику запасные ключи, взял сумку, деньги, вышел из квартиры и спустился во двор, где у мусорных баков стояла его «семерка». Поехал на рынок, купил черную краску по металлу, пару кистей. Подумав, прикупил еще лопатку и рабочие перчатки.

Через час он был уже на Старом кладбище. А вот искал могилу часа полтора. Хоть и закрыли кладбище, но разрослось оно почти до железной дороги, заняв все большое поле. Могила матери была рядом с оградой, у этого самого поля, а сейчас ни поля, ни ограды. Долго бродил Павел по тропинкам этого города мертвых, пока наконец среди зарослей дикого кустарника не рассмотрел старенький памятник, плиту с фотографией самого дорогого человека.

– Ну, здравствуй, мама! Ты уж извини, что редко бываю, что заросло все тут. Дела. А порядок мы сейчас наведем. У меня все нормально, живу как могу, здоров. Скучаю. Что еще сказать? Да ты и без слов меня понимаешь, как понимала в детстве.

Одинцов принялся за работу. Рассчитывал убраться за три-четыре часа, но задержался до пяти часов и только к шести вернулся домой.

Скрябин действительно оказался профессионалом своего дела, снял смеситель, пристроил трубу между отводами под душ, заменил краны. Да, возможно, выглядит это несовременно, но внушительно, надежно. Павел проверил работу. Система действовала безупречно. Он по-быстрому принял душ, а переодеваясь, увидел, что мастер поработал и с батареями, вместо старых заглушек стояли новые с краниками. То же самое в гостиной и на кухне. На совесть поработал сантехник. Он говорил о пяти тысячах, но за такую работу следовало заплатить больше, по сути, Скрябин сделал ремонт всей отопительной системы, а не только заменил смеситель.

Взяв восемь тысяч, Павел поднялся к мастеру.

– Ну, как работа? – сразу спросил тот, открывая дверь.

– Отлично. Спасибо, вот деньги, возьмите!

Он протянул Скрябину восемь тысяч, но сосед неожиданно отказался:

– Как же я с тебя, бывшего офицера, деньги возьму? Ты же не просил оплату за то, что воевал?

- Я делал свою работу.
- Вот и я тоже, так что никто никому ничего не должен. Пользуйся ванной, душем, не беспокойся, что где-то прорвет. Не прорвет и не протечет.
- Спасибо, Григорий Васильевич.
- Может, зайдешь, выпьем? У меня бутылочка припасена.
- Одинцов бы выпил, но он еще должен был зайти к Надежде и помнить ее условие – без запаха.
- Благодарю, Григорий Васильевич. Сейчас, честное слово, не могу. Давайте как-нибудь позже.
- Что ж, насильно мил не будешь, – вздохнул сантехник. – Жаль, жену хотел помянуть.
- Так помяните, никто вам не мешает.
- Да не пью я один, Паша. Вот такая дурная привычка. А позвать некого. Ну, ладно, вижу, спешишь. Ступай. Время будет, заходи, посидим. Я вечером всегда дома.
- Зайду, Григорий Васильевич, обязательно зайду. До свидания.
- Давай, Паш.
- Одинцов спустился к шестой квартире.
- Соседка открыла дверь не сразу.
- А?! Это вы? Не пунктуальны, обещали в шесть, а сейчас, – посмотрела она на миниатюрные часики, – двадцать минут седьмого.
- Прошу прощения, на кладбище задержался.
- Проходите. Ничего, если на кухню? А то Колька в кои веки за уроки только сел.
- На кухню так на кухню.
- Присаживайтесь. Если курите, то... курите, – выставила Надежда пепельницу. – Выпить не предлагаю. Во-первых, не держу дома спиртного, во-вторых, не терплю пьющих мужчин.
- Это я уже понял.
- Он присел на стул, закурил.
- Так что значит проверка, которую вы хотите мне устроить? Надеюсь, это будет не полиграф?
- Нет. Скажите, вы вчера вечером были в сквере?
- Да. Прогулялся перед сном, а что?
- Там же и Кольку встретили, так?
- Допустим.
- Не допустим, а встретили. И защитили его от хулиганов.
- Ну, это сильно сказано – защитил, просто увел из плохой компании. А что, вас что-то в этом не устраивает?
- Да нет, напротив, я благодарна вам. Колька мне все рассказал, если бы не вы, его избили бы.
- Это, Надежда Владимировна, дело прошлое. Ничего особенного я не сделал, так что и обсуждать нечего. Главное, чтобы Николай понял, улица к добру не приводит.
- По себе знаете?
- И по себе тоже. Но мы, насколько помню, должны обсуждать вопрос по ремонту?
- Я попросила рабочих, что ремонтируют нашу больницу, побелить потолок и посмотреть проводку. Обещали помочь за бутылку водки. Так что вопрос решен.
- Уверены, что эти рабочие сделают ремонт как надо?
- У нас их работой довольны.
- Я видел ванную. Побелить потолок, конечно, не проблема, но, пусть немного, пострадали и стены? Вода могла попасть под плитку, а это значит, что скоро она начнет отлетать.
- Предлагаете поменять плитку?
- Да.

- Но это дорого.
 - У меня есть деньги. Так что нанимайте нормальных ремонтников и пусть делают ванную полностью, а надо, и туалет. Я все оплачу.
 - Вы не похожи на богатого человека, – улыбнулась Надежда.
 - Повторяю, я все оплачу.
 - Хорошо. Глупо отказываться от такого предложения. Чаю хотите?
 - Лучше кофе, без сахара и покрепче.
 - У меня растворимый.
 - А я и не претендую на то, чтобы вы сварили кофе.
 - Тогда подождите, пойду проверю Кольку. Он ведь может как взяться за уроки, так и бросить их. Чайник сами включите?
 - Конечно. И кофе заварю, и чай, скажите только, где все стоит.
 - А потом и чашки помое? – с легкой ехидцей посмотрела Надежда на Одинцова.
 - Запросто! Могу и полы. Даже постирать что-нибудь.
 - Пожалуйста, включите только чайник, – выходя, бросила она на ходу.
 - Как скажете!
- Вскоре Надежда вернулась, успев переодеться в халатик. Заварила чай, кофе, выставила чашки на стол.
- Печенье?
 - Нет, спасибо.
 - Один вопрос, Павел Алексеевич, позвольте?
 - Сколько угодно.
 - Почему вы живете один?
 - Добавьте еще, как одинокий волк.
 - А разве это не так?
 - Нет! Вам соседи не рассказывали историю моей семьи?
 - Лишь то, что вы когда-то, в девяностых, воевали на Кавказе, тогда же от вас ушла жена, а потом умерла мама.
 - Странно, скудная информация.
 - Поэтому и спрашиваю. Когда мужчина уходит из семьи, это еще понять можно, встретил другую, помоложе, не сложились интимные отношения, в результате появились любовницы, одна из которых смогла привлечь и увести мужчину, да мало ли еще причин? Но вот женщина бросает мужа гораздо реже. Только тогда, когда уже не в силах больше жить с ним. Не все, конечно, но многие женщины стараются сохранить семьи, в том числе и из-за ребенка. Как бы ни сложилась жизнь, а дети остаются с матерью. Согласна, не всегда. Но каждое правило, как нас учили, имеет исключение...
 - Которые подтверждают эти правила, – прервал Надежду Павел.
 - Вот именно. Так почему вы один?
 - Вы же сами ответили на свой вопрос. По-вашему, женщина уходит от мужчины только тогда, когда больше не в силах жить с ним. Значит, моя супруга не могла больше жить со мной.
 - Вы не походите на тирана, я не могу себе представить, чтобы вы подняли руку на женщину. Хотя бы из-за примера с сыном.
 - А как насчет сексуальной несовместимости?
 - Тогда, получается, ваша бывшая супруга нашла подходящего для секса мужчину? И в этом причина развода?
 - Зачем вам все это?
 - Хочу понять, что вы за человек. Все же соседи.
 - Я отвечу на ваш вопрос, при условии, что и вы расскажете, почему сами остались одна с сыном, договорились?

– Хорошо, – утвердительно кивнула Надежда. – Слушаю вас.

– Моя история, возможно, и необычна, но проста. Окончив военное училище, я женился. На студентке университета, Галине. Первый офицерский выпуск, сразу же после училища был, наверное, самым счастливым месяцем в моей жизни. Казалось, так будет продолжаться всегда. Мать не была в восторге от моего выбора, но кто в двадцать два года слушает родителей? Я окончил училище в 1995 году, а тогда, если помните, повсюду шла война на Кавказе. Меня отправили туда. Но даже если бы и в другое место, в спокойный гарнизон, Галина не смогла бы поехать со мной. Ей надо было окончить учебу в университете. Мне же на Кавказе пришлось с первых дней окунуться в реальные, жестокие боевые будни. Поначалу везло, как-то удавалось выживать в таких условиях, когда шансов выжить было очень мало. Но всякому везению рано или поздно приходит конец. Однажды в бою я был тяжело ранен, меня в бессознательном состоянии взяли в плен. Весь мой взвод был уничтожен, и только нескольким парням удалось прорваться к своим. Брошенные трупы захоронили местные жители. А я очнулся в подвале какого-то дома. Мне оказали медицинскую помощь, даже осколки из легких удалили, в банде был врач из Украины. Дело свое он хорошо знал, за это ему так же хорошо платили. Ну, а когда я оказался в доме полевого командира Казбека Караханова, которого больше знали как Шерхана, жена получила похоронку. В штабах не стали разбираться и вскрывать захоронение, возможно, потому, что поначалу оно было на территории, подконтрольной боевикам, а позже в этом никто не видел необходимости. Матери, насколько мне известно, сообщили, что мой труп не может быть доставлен на Родину из-за того, что я похоронен в горах. Только через год наши все же достали из братской могилы моих ребят. И родители получили цинковые гробы. Но это произошло только через год. Мама после получения похоронки сразу сдала и вскоре умерла, оставив мне квартиру. Супруга горевала недолго, получив все необходимые документы в военкомате, вышла замуж за какого-то предпринимателя, депутата то ли областной, то ли городской Думы, своего однокурсника по университету. Из города они уехали. Я, пройдя курс лечения, вернулся в войска, где и служил до конца прошлого года. Уволился, приехал сюда. Вот и вся история.

Надежда каким-то другим взглядом смотрела на Одинцова:

– Вы говорите о страшных вещах, словно это что-то обычное. Тяжелое ранение, плен, где вы были на волоске от смерти, кстати, а как вам удалось освободиться? Вы бежали?

– Нет! – улыбнулся Одинцов. – На это у меня не было ни сил, ни возможности. Командир мой, узнав от разведчиков, где я могу находиться, подвел к аулу взвод и разгромил банду. Так я оказался на свободе. Но уже без мамы и... без жены.

– Вы, наверное, сильно переживали, узнав, что супруга ушла к другому?

– Обидно было, – пожал плечами Павел. – Хотя на кого обижаться? Галина ведь не изменила мне. Муж погиб, это было подтверждено, что ей оставалось? Обречь себя на одиночество?

– Она сейчас знает, что вы живы?

– Нет! Иначе позвонила бы, а может быть, и приехала, чтобы объясниться.

– И вы сами не пытались найти ее?

– А зачем? У нее давно другая семья, и дети, наверное, уже большие.

– А если она одна? Ну, не сложилась жизнь с другим человеком? Такое разве не может быть?

– Надежда Владимировна, вам не кажется, что мы слишком углубились в обсуждение моей темы? У меня нет жены, и все!

– Извините. Кофе еще налить?

– Не надо. – Одинцов отодвинул чашку, прикурил сигарету: – Теперь я слушаю вас.

– У меня все гораздо прозаичней, – вздохнула Надежда. – Рано вышла замуж. Муж, Андрей, окончив технологический институт, работал инженером на оборонном заводе. Я –

медсестра, тогда только начинала в поликлинике. Жили бедно. И у Андрея, и у меня зарплата – копейки, а тут родился Колька. Андрея это не устраивало. Многие его друзья подавались в бизнес, кто-то прогорел, кто-то поднялся. Однажды он встретился со своей бывшей одноклассницей Алиной Кочан. Я хорошо знала ее, училась в той же школе, только в другом классе. Алина и в школе была заводилой, ребята так и вились возле нее. А вот личная жизнь не сложилась. И она занялась торговлей шмотками. У нее дело пошло, две точки открыла на рынке. Предложила Андрею работать вместе. Денег в долг дала. В общем, стали они вместе торговать. Вместе и в Москву уехали, откуда Андрей уже не вернулся. Решение суда о разводе я получила по почте. Уж как ему удалось развестись без моего участия в процессе, остается только догадываться.

– Деньги!

– Да, скорее всего. Где-то через полгода после развода я начала получать алименты, тогда же позвонил Андрей и сказал, что мизерные алименты платит потому, что официально нигде не работает, но каждый месяц будет перечислять дополнительную сумму. Я спросила, сына увидеть не хочет? Он ответил – хочу, но не могу, Алина против. Вот теперь от него приезжает молодой человек, привозит деньги, десять тысяч рублей. Вот такая моя история. Для женщин, в общем-то, нередкая, мне непонятно, почему вы не женились второй раз? Офицер, хорошая зарплата, сами ничего. До сих пор любите Галину?

– По-моему, вы задаете не совсем уместные вопросы.

– Отчего же? Нормальные вопросы. Но не хотите, не отвечайте.

– У меня, конечно, были женщины, да и любовь к Галине куда-то с годами испарилась, но жениться еще раз? Не знаю, особого желания нет.

– Но одному ведь плохо. Надо и женскую работу выполнять – убираться в квартире, готовить еду, стирать, наконец?

– Я привык!

– И это ненормально. Вы не хотите признаться, что до сих пор любите бывшую жену.

– Ошибаетесь.

На кухню вошел сын Надежды, увидев Павла, удивленно спросил:

– Вы?

В глазах парня мелькнула тревога. Да, он рассказал матери о том, что Одинцов помог ему в сквере, но скрыл, отчего на него наехали пацаны.

– А поздороваться не надо? – спросила Надежда.

– Здравствуйте, – буркнул Николай, глядя на Павла.

Одинцов улыбнулся, поняв опасения мальчишки.

– Привет! А я вот залил вас, сейчас обсуждаем с твоей мамой, как ремонт сделать.

– А! – облегченно вздохнул Колька и повернулся к матери: – Я уроки сделал, можно погулять?

– До восьми часов, – разрешила Надежда.

– Так уже полвосьмого! Ну, хоть до девяти.

– Если только во дворе, чтобы я в любой момент могла видеть тебя.

– Ладно!

Колька ушел на улицу.

– Значит, мы решили, Надежда Владимировна, насчет ремонта. Вы нанимаете бригаду, я плачу!

– Нет, – ответила она, – не договорились. Я решу вопрос с ремонтом сама, и это мое последнее слово.

– Ну, как хотите. Я хотел как лучше.

– Верю, но не надо.

– Вы всегда такая упертая?

- Хотите испортить вечер?
- Нет. И поэтому ухожу. Благодарю за кофе.
- Вы уже благодарили.
- Пойду! Странно, но я чувствую себя как мальчишка.
- А вот этого, Павел Алексеевич, тоже не надо. Я провожу вас!

Павел вышел из квартиры и стал подниматься по лестнице. На подоконнике подъездного окна сидел молодой, лет двадцати, накачанный парень и перебирал четки. Раньше Одинцов его не видел, подумал, может быть, тоже сосед? Или ждет кого-то? Он уже прошел мимо, как парень вдруг окликнул:

- Мужик! Минуту!
- Это ты мне? – остановившись, повернулся к парню Одинцов.
- Да, – улыбнулся «качок».
- Ну, и что тебе надо?
- С тобой поговорить хотят.
- Кто?
- Серьезный человек. Я бы сказал, очень серьезный человек.
- По поводу?

Парень, продолжая улыбаться, пожал плечами:

– Не знаю! Мое дело передать, что человек этот ждет тебя в машине у трансформаторной будки.

- А ты уверен, что именно со мной он хочет поговорить?
- Конечно. Я тебя тут уже час жду.
- И человек твой ждет?
- Нет, он подъехал, когда узнал, что ты у соседки.
- Серьезного человека не Грачом кличут?
- Ты тратишь время, Павел Алексеевич, – сразу стал серьезным парень.
- О! Узнали имя и отчество.
- А как же! Дело-то непростое.
- Ну, если Грач ждал, то еще подождет, я к себе поднимусь и выйду.
- Я бы на твоём месте...

– Ты не на моем месте, – резко оборвал его Павел, – так что иди к хозяину и скажи, что сейчас приду. Не сомневайтесь, приду, у меня тоже есть что сказать ему.

– Я пойду с тобой!

– Пошли, но не думаю, что будешь в восторге от визита в мою квартиру. Так что лучше проваливай! Прятаться не стану, выйду.

Одинцов поднялся в квартиру. Из шкафа достал ветровку, из-за белья гранату «Ф-1», свой наградной пистолет «ПМ», привел его к бою, гранату вложил во внутренний карман, пистолет – в правый боковой. Подумав, захватил и удостоверение сотрудника службы по борьбе с терроризмом.

Посмотрев на себя в зеркало, подмигнул отражению и вышел из квартиры. На улице у трансформаторной будки увидел новый черный «Лексус» и такой же черный внедорожник «Тойота», рядом двоих парней. Того, который говорил с ним в подъезде, у машины не было.

Одинцов подошел к «Лексусу». Парни перегородили ему дорогу, и один из них приказал:

- Куртку расстегни!
- А может, догола раздеться? – усмехнулся Павел.
- Надо будет, разденешься!

– Вижу, разговор не состоится. Передайте Грачу, что подчиняться требованиям его «шестерок» не собираюсь. Хочет говорить – поговорим, нет – я пошел домой.

Заднее окно «Лексуса» опустилось, и оттуда раздался немного хриловатый голос:

– Пропустите!

Парни отошли. Дверь «Лексуса» открылась, и Одинцов быстро сел на заднее сиденье справа. Слева – худощавый мужчина в довольно дорогом костюме, который никак не гармонировал с его прыщавой физиономией, впереди – водитель и тот, кто встречал Павла в подъезде.

– Что хотел, Грач? – спокойно спросил Павел.

– С чего ты взял, что я какой-то Грач? – усмехнулся главарь банды.

– Если не Грач, назовись.

– Это необязательно, разговор у нас будет коротким.

– Ну давай говори, что хотел сказать.

– Откуда ты взялся такой борзый, чтобы совать свой нос туда, куда не следует?

– Грубо, но чего еще ждать от тебя? Вообще-то я думал, ты умнее, а оказалось, ошибся.

– Ты не борзей, мужик, себе хуже сделаешь.

– Может, закончим пустой базар?

– Лады. Ты наехал на моих парней, избил, влез в дело, которое тебя не касается. И думаешь, это останется безнаказанным?

– Так ты что, Грач, наказать меня решил? – рассмеялся Одинцов.

– Смешно? Да ты даже не представляешь, с кем связался и что я могу с тобой сделать.

– А ты представляешь, что могу сделать я?

По физиономии главаря местной банды пробежала тень замешательства. Он явно не ожидал, что какой-то мужик, который подрабатывает охранником, – это Грач узнал – будет вести себя невозмутимо спокойно, словно за ним стояла серьезная сила.

– И что же можешь ты?

– Чтобы ты это понял, я покажу тебе всего две вещи и кое-что скажу.

– Ну, давай.

Одинцов достал из кармана удостоверение личности офицера антитеррористической службы.

– Как тебе эта «корочка», Грач?

– Серьезная «корочка», но это лишь картонка, – прищутив глаза, ответил главарь.

Одинцов раскрыл удостоверение:

– Читай на второй странице.

– Майор. Командир подразделения особого назначения. Уволен в запас... когда? – Он нагнулся к Одинцову: – О, год назад.

Однако сейчас бандит чувствовал себя некомфортно. Майор спецназа одной из самых мощных спецслужб мира – более чем серьезно. Но Грач не мог уступить.

– Ты в запасе, майор, а значит, никто.

– Я, перед тем как выйти к тебе, связался со своими ребятами, что до сих пор проходят службу. Они как раз оказались на базе под Москвой. Долго объяснять ситуацию не пришлось. Ребята ждут сигнала, чтобы выехать сюда. А двадцать спецназовцев особой штурмовой группы, имеющей право действовать по обстановке, это большая сила. Они не только твою шоблу – и весь город в состоянии поднять на уши. При этом работая по задаче, а значит, применяя оружие.

– Блефуешь, Павел Алексеевич, – усмехнулся Грач, но ухмылка получилась натянутой.

– Мне надо только нажать клавишу телефона, и группа двинет в Переслав, через три часа она будет здесь. И вот когда ты попадешь под прессинг бойцов, то поймешь, блефовал я или нет.

– А ты уверен, что успеешь подать сигнал?

– Абсолютно!

– Вит! – повысил голос Грач.

– Да, шеф? – ответил парень с переднего сиденья.

– Наш клиент меня нервирует.

Вит выхватил пистолет и направил его в лицо Одинцова.

– Сейчас ты тоже уверен, что можешь играть со мной? – скривил губы Грач.

– Не играть, придурок, играют на дудке. – Павел вдруг вырвал из кармана мощную оборонительную гранату «Ф-1», выдернул кольцо, навесив его на большой палец. – Как теперь?

Грач отодвинулся к двери.

– Сидеть! – приказал ему Одинцов. – А ты, недоумок, – взглянул он на бандита с переднего сиденья, – брось-ка ствол мне под ноги.

– Ты не взорвешь гранату?!

– Взорву. Естественно, подышать вместе с вами не собираюсь, поэтому я-то успею выскочить, а вот вы нет. А тех, кто на улице, – положить пара секунд. –левой рукой Одинцов достал «ПМ»: – Хороший ствол, наградной, пристрелянный. Знаешь, Грач, сколько из него я положил «духов»? Много.

– Стоп! Хорош! – не выдержал главарь банды. – Не надо нервничать.

– Да это ты нервничаешь, а я спокоен. Мне не впервой попадать в подобные переделки. Вит, я не вижу ствол в ногах.

– Делай, что сказано, – приказал Грач завороченно смотревшему на гранату подельнику.

Вит бросил пистолет, Павел положил его в карман.

– В общем, так, Грач, или мы сейчас договариваемся по-хорошему, или... я валю вас. Начальство в Москве отмажет, когда выяснится, что ты занимаешься наркоторговлей и пытался взять меня в заложники.

– О чем договор?

– Мне плевать на твои дела. Рано или поздно, но, скорее всего, рано тебя все одно либо менты, либо конкуренты придавят. Такие, как ты, долго не живут. Но меня это не касается. Мне надо, чтобы ты и твои шакалы оставили в покое Николая, о ком речь, ты знаешь.

– Это все?

– Нет! Ты оставляешь Кольку в покое и проваливаешь из сквера. Он предназначен для того, чтобы там отдыхали люди, а не находились стаи отморожков. Вот теперь все. Я же, со своей стороны, обещаю не преследовать ни тебя, ни твою банду. Решай, Грач, а то у меня рука уже затекает. Не дай бог, сработает чека, тогда договариваться не с кем будет.

– Ладно! Будем считать, договорились.

– Вот и хорошо. Предупреждаю, нарушишь договоренность – сдохнешь. Так что даже не пытайся нанести вред мне или Николаю.

– Мне это не надо.

– Верно. Ну, что ж, раз договорились, то я пошел? – Павел аккуратно вставил кольцо в предохранительную чеку, положил гранату в карман: – Будь, Грач, и помни договор.

– Погоди. Мои парни Кольку взяли.

– Что?!

– Да не кипятись, с ним все нормально, без меня ему ничего не сделают.

– Надеюсь, что так.

Главарь достал из кармана телефон, нажал клавишу:

– Дрот? Отпусти пацана... И без вопросов, делай что сказано! – Отключив телефон, повернулся к Павлу: – Все нормально, через десять минут Колька будет здесь.

Одинцов вышел из внедорожника, встал спиной к стене трансформаторной будки, готовый вступить в бой. Но парни, что продолжали находиться на улице, сели в «Тойоту». Оба внедорожника развернулись и направились в сторону центральной улицы. Павел прикурил сигарету, подошел к подъезду и едва не столкнулся с Надеждой, выбежавшей из него, словно за ней гнались.

– Куда спешим, Надежда Владимировна? – схватил он ее за руку.

– Пустите! Я видела, как Кольку какие-то парни в машину посадили и увезли. Вы понимаете? Моего сына увезли неизвестно куда!

– И вы решили догнать машину?

– Но надо же что-то делать? – В голосе Надежды звучало отчаяние.

– Надо, – согласился Павел. – Успокойся, Николай скоро придет.

– Откуда вы знаете? – подняла на него удивленные глаза Надежда.

– Просто знаю.

– Тогда, может, объясните наконец, что все это значит?

– Колька сам расскажет.

Порыв ветра распахнул незастегнутую куртку Одинцова, и из кармана показалась рукоятка пистолета.

– Что это? – испуганно вскрикнула она.

– Черт, надо же, в самый неподходящий момент.

– У вас оружие?

– Да какое там оружие? Травматический пистолет.

– Покажите!

– Зачем?

– Прошу вас, покажите.

– Вы разбираетесь, где настоящий ствол, а где травматика?

– Я пойму.

Одинцов достал пистолет, поставив его на предохранитель.

– Что ж, смотрите.

– А это что? – указала она на табличку, где было выгравировано: «Майору Одинцову за личное мужество».

– Ну, хорошо, это настоящий пистолет и, как видите, наградной.

– Почему с ним и на улице?

– Гости приезжали, поговорили.

– Такие гости, что не зашли в дом, а вы к ним вышли с пистолетом?

– Бывают и такие гости, – улыбнулся Одинцов.

– Вы должны, нет, просто обязаны мне рассказать, что, в конце концов, происходит.

– Да ничего особенного, Надежда Владимировна, уверяю вас.

Из-за угла показался Николай. Он быстрым шагом шел к подъезду. Увидел мать и соседа, шмыгнул носом:

– Мам! Ты чего тут?

– Чего? Кто эти парни, что посадили тебя в машину и увезли?

– Знакомые.

– Я тебе дам, знакомые.

– Я понял, что это вы... ну, короче, спасибо, – повернулся мальчик к Одинцову.

– За что спасибо, что ты понял? – не унималась ничего не понимающая Надежда.

– Ты в порядке? – спросил Павел.

– Да! Говорил же, они в покое не оставят.

– Уже оставили.

– Да в чем дело наконец? – выкрикнула Надежда.

– Потихе, Надежда Владимировна, соседи услышат, разговоры ненужные пойдут.

– Тогда оба мне ответьте, что происходит. Я же спать спокойно не смогу.

– Расскажи все матери, Коля, пусть успокоится.

– А нас точно больше не тронут?

– А кого эти придурки тронули?

– Вы с Грачом говорили?

– Он не представился, но уверен, что с ним. Мы обо всем договорились. Тебе ничего не угрожает.

– Нет, я так больше не могу. – Надежда неожиданно заплакала.

– Ну что стоишь? – кивнул Николаю Одинцов. – Обними мать да води домой, там все расскажешь. Все, Коля, ничего не скрывай. И обещай, что больше никогда ни в какую компанию не попадешь. Что займешься учебой, спортом. Давай!

– Пойдем, мам. Честное слово, я все тебе расскажу, – приобнял мать мальчик, и оба скрылись в подъезде.

Выкурив сигарету, Павел тоже поднялся к себе. Прошел в кухню, заварил себе кофе, выкурил еще две сигареты и собрался уже принять душ, как в прихожей раздался звонок.

А это еще кто? Вроде прежние «гости» вернуться не должны. Может, сантехник? Или Колька?

На всякий случай достав из куртки пистолет и засунув его под ремень брюк, он открыл дверь.

На пороге стояла Надежда.

– Вы? Вот не ожидал!

– Я могу войти?

– Конечно! Проходите, пожалуйста.

Надежда прошла на кухню, открыла форточку, чтобы выпустить табачный дым.

– Да, накурил я, – смущенно проговорил Павел, не зная, что сказать более подходящее для этого момента.

– Ничего, проветрится. Мне Колька все рассказал. И я, я не знаю, как благодарить вас. Если бы не вы, то страшно подумать, что стало бы с сыном.

– Теперь все позади.

– Но ты так рисковал! Ведь бандиты могли убить тебя! – Надежда незаметно для себя перешла на «ты».

– Ну, убить, скажем так, меня не просто. Да и не пошли бы они на это.

– Я совершенно ничего не знала.

– Теперь знаешь. Не беспокойся, все будет хорошо.

– Кольке так не хватает мужского общения. Это и понятно, он рос без отца.

– Я тоже рос без отца.

– Могу я попросить тебя об одном... одном одолжении?

– Конечно.

– Ты, пожалуйста, не оставляй Кольку. Для него ты непререкаемый авторитет. Он даже сказал, мне неудобно, но... в общем, он сказал, вот бы мне такого отца.

– Надь! Успокойся. Я присмотрю за Колькой.

– Ты заходи к нам.

– Если ты не против, зайду.

– Как я могу быть против, если сама прошу тебя об этом.

– Возможно, ты сейчас под впечатлением откровения сына и завтра пожалеешь о своих словах, касающихся приглашения заходить.

– Нет, я действительно хочу... видеть тебя у нас. И... не только из-за Кольки.

Вконец засмущавшись, Надежда поднялась и быстро вышла из квартиры. Одинцов не успел проводить ее. Вернувшись на кухню, он почувствовал то, чего раньше никогда не чувствовал, даже с Галиной. Уснул Павел поздно, и война ему этой ночью не снилась.

Глава третья

В съемной московской квартире на окраине столицы находились два человека. Мужчины средних лет, одному сорок два года, второму тридцать лет. Тот, что помоложе, качал мышцы живота, лежа на полу. Он с выдохом и вдохом то поднимался в положение сидя, то опускался на спину, держа мускулистые руки на затылке. Второй сидел в кресле у журнального столика и потягивал виски. Тихо работал телевизор. Время приближалось к полудню.

Старший мужчина – Тихон Ступак, имевший погоняло Тихий, взглянул на товарища, Репнина Аркадия, которого подельники называли Акробатом.

– Акробат, тебе не надоело? – спросил Ступак.

– Я... должен... быть... в форме, – с перерывом на выдох отвечал Репнин.

– Да ты и так в форме.

– Уф! Хорошо на сегодня, – лег на спину Репнин. – Вечером еще на турнике поработаю.

– Еще бы знать, где его найти, – проговорил Ступак.

– На спортплощадке.

– У дома? Чтобы соседи обратили внимание на то, что ты вытворяешь? А они обратят, особенно пацанва. Всякие такие кренделя на спортивных площадках нынче в моде, а тебе светиться нельзя.

– Но мне необходимо отработать пару упражнений. Самых последних, что взял из Интернета.

– Тебе хватит и того, что умеешь. Повторяю: светиться здесь нам нельзя.

– А как же хозяин хаты? Хотя у него данные наших фальшивых паспортов, но фейсы-то он запомнил.

– По нему решение примет Шерхан. Что-то от Шершня давно сообщений не было.

– Так позвони ему. Я в душ.

Ступак допил виски, прикурил сигарету, взял со столика сотовый телефон, зарегистрированный на одного из бесчисленных столичных бомжей, и набрал номер. Абонент ответил без промедления:

– Да, Тихий!

– Почему молчишь, Шершень? Ты, случаем, там не уснул?

– Еле держусь, в сон клонит.

– Не надо было ночью по проституткам шастать.

– Без этого, Тихий, жизнь скучна.

– Что на объекте?

– Все по-прежнему. Гронский, как уехал утром, так не возвращался, баба его с сыном и дочерью дома. В будке у ворот читает какую-то хрень охранник. В поселке ни души, я имею в виду на улицах.

– Значит, пацан дома?

– Да.

– Ладно. Не спи, а то жизнь проспичь.

– Угу, до связи!

Ступак выключил телефон. Налил себе еще виски.

– Ну, что по объекту? Узнал? – поинтересовался вышедший из душа Репнин.

– Без изменений, Гронский наверняка где-то в одном из своих офисов, а может, и на квартире расслабляется с секретаршей. Их у него полно, и все как на подбор, любой бордель позавидует.

– С таким баблом не иметь секс-моделей было бы глупо. Интересно, его жена хоть догадывается, что муж всю гуляет?

- А хрен ее знает.
- Наверняка кто-нибудь да шепнул ей об этом.
- Скоро Гронскому не до моделей будет, о бабе его я и не говорю.
- Скоро. Когда скоро? Четвертый день сидим здесь, а сына Гронского только один раз

вывозили в Москву.

- Ничего, вывозили раз, вывезут и другой. Виски не хочешь?
- Сдурел? Спорт и спиртное несовместимы.
- Ну, дело твое.

Ступак поднес ко рту бокал, но выпить не успел. Сотовый телефон продребезжал сигналом вызова. Он поставил бокал, взглянул на дисплей телефона.

- Шерхан!
- Добрый день, босс!
- Сколько мне говорить, что я не переносу слово босс?
- Извините, забылся.
- А может, водкой мозги прополоскал?
- Ну что вы, как можно на задании!

– Как можно, – пробурчал руководитель подпольной террористической организации Казбек Караханов по прозвищу Шерхан. И приказал: – Доложи обстановку.

– Обстановка такая, хозяин. Гронский в Москве, его семья в полном составе в усадьбе коттеджного поселка у села Буртово. Я вот что подумал, хозяин, в усадьбе всего один охранник, садовника в счет не беру, он опасности не представляет, пенсионер, возится с цветниками. Не отработать ли нам усадьбу? А то черт его знает, сколько придется ждать, пока пацана вновь вывезут в Москву.

– Думать, Тихий, не твое дело, – ответил Караханов. – Твоя задача отработать объект по принятому плану. Понял?

- Понял!
- Когда при вас вывозили Гронского-младшего в город?
- Позавчера.
- Ясно, ждите, не прозевайте момент.
- Не прозеваем, контролируем усадьбу с 8 утра до 8 вечера. Как и приказано.
- Как Акробат?
- В порядке. Готов выехать в любую минуту.
- По охране данные подтвердились?

– Да. Усадьба охраняется посменно, тремя охранниками, дежурство – сутки. Гронский перемещается то на «Лексусе», то на «мерсе», водители-телохранители, с ним постоянно начальник охраны. Для обслуживания жены используется «Лендровер», с водителем-телохранителем, пацана вывозил один человек, похоже, еще один водитель-телохранитель на «Ауди». Он смотрел на пацана, пока тот резвился с какой-то ребятней на спортплощадке у дома, где Гронский имеет апартаменты, в Кузьминках.

- Спортплощадка прямо во дворе?

– Да, но в противоположной от охраны части огороженной территории, слева от торца здания.

– Такие подробности мне не нужны. Нам надо знать, что происходит в доме Гронского. Установить на дежурный автомобиль мощную и компактную прослушку.

- Где бы еще ее взять!

– Не перебивай, – повысил голос Караханов. – И что у тебя за дурная привычка влезать в разговор?

- Пардон.

– Значит, слушай и запоминай. Сегодня в 21.00 Репнин должен подъехать к «Макдоналдсу», что на выезде из города, недалеко от вашего дома. Там его будет на стоянке ждать Дикобраз, на «Опеле», номер... Он передаст твоему контролеру прослушку. С утра завтрашнего дня Шершень должен знать все, что делается в доме. Это ты понял?

– Понял, но из-за пробок Шершень может не успеть к 9 часам.

– Ничего, Дикобраз подождет.

– Ясно!

– О результатах прослушки – доклад мне, завтра в 22.00. Вопросы?

– Нет вопросов, хозяин.

– Работайте!

Караханов отключился. Выключил телефон и Ступак.

– Чего он? – спросил Репнин.

– Спросил, как ты себя чувствуешь, – скривился Ступак.

– А чего ты кривишься? Подколол и доволен?

– Ладно, не дергайся. Шерхан интересовался работой, о тебе, между прочим, отдельно спросил, так что никаких подколов, решил передать нам прослушку.

– Прослушку? А на хрена она?

– Чтобы знать, о чем базарят в доме Гронского.

– Шершень ставит машину у кафе напротив усадьбы бизнесмена. Он и так каждый день светится, а выставит антенну? Любой прохожий может обратить на это внимание и сообщить в ментовку, и тогда Шершень спалится по полной программе. И сам спалится, и нас спалит.

– Шерхан сказал, что Дикобраз передаст какую-то новую, современную и мощную систему.

– Дурью мается Казбек. Что даст прослушка? Информацию о личных взаимоотношениях в семье Гронских? Нам это надо? Если пацана повезут в город, Шершень и без прослушки это увидит.

– Мне передать твои слова Шерхану?

– Да мне плевать, передашь ты мои слова или нет.

– Так уж и плевать? Шерхан может изменить долю.

– А вот это мы обсудим с ним до акции. Я за копейки рисковать не собираюсь. А раз главная роль в похищении отведена мне, то скорее он с тебя снимет бабло, чтобы не мешал работать.

– И чего ты, Аркаша, такой заводной? – вздохнул Ступак. – Шуток совсем не понимаешь.

– А ты не шути. И тогда все будет о'кей.

– Хоп. Не будем ссориться, нам работать вместе, и сидеть, если заметут, тоже вместе.

– Типун тебе на язык!

– Что, не хочешь на зону?

– А ты, смотрю, очень желаешь оказаться там.

– Хорошо, Акробат. Так сколько времени?

– 16.40. Надо предупредить Шершня, чтобы встретился с Дикобразом, – посмотрев на часы, ответил Ступак и набрал номер подельника:

– Как дела, Шершень?

– Тебе что, Тихий, заняться больше нечем, как названивать мне?

– Ты слушай. Как закончишь работу, езжай к «Макдоналдсу», что на окружной в нашем районе.

– Спасибо за напоминание, а то я вдруг передумаю поужинать там.

– Черт, у меня совсем из головы вылетело, что ты там жрешь гамбургеры.

– И еще много чего.

– Но до того, как набить утробу, тебе надо встретиться с Дикобразом.

– С Дикобразом? – переспросил Шерстаков. – Зачем?

– Он передаст тебе прослушку.

– Ты намерен кого-то слушать?

– Нет, это ты будешь слушать усадьбу Гронского. И давай без комментариев, это приказ Шерхана.

– Хорошо, встречу с Дикобразом. Но насчет прослушки поговорим на хате.

– Поговорим. В усадьбе без изменений?

– Баба Гронского выезжала минут на двадцать. Скорее всего, до гипермаркета. Вернулась с фирменными пакетами, видать, хаваниной затарилась. Не пойму я этого Гронского, денег навалом, а нанять прислугу не может.

– Или не хочет.

– Или так.

– Я понял тебя. Ждем на хате. Отбой.

– Давай!

Ступак отключил телефон, бросил его на столик и обратился к Репнину:

– Ты продумал, как попадешь на охраняемую территорию?

– Тут и думать нечего, перелезу через забор у самого дома, и все дела.

– Но выходить-то тебе все равно придется через охраняемый пост.

– И что? Ты, главное, телохранителя нейтрализуй. А как я выйду, мои дела.

– Твои-то твои, да только на этом элитном доме наверняка камеры видеонаблюдения на всех углах висят. Их как обойдешь?

– Кто будет смотреть эти записи, если Шерхан уверен, что Гронский ни в полицию, ни в ФСБ обращаться не станет?

– Так думает босс, а вдруг Гронский по-тихому сбросит информацию по похищению правоохранителям?

– Да и хрен с ним, пусть сбрасывает. У Шерхана есть свои люди и в ментовке, и в ФСБ. Предупредят.

– Но ты-то засветишься!

– Плевать на это! Готовил акцию Шерхан, а Казбек мужик опытный, все на шаг вперед просчитывает. К тому же что даст полиции или ФСБ моя физиономия? Я на Кавказе не воевал, проблем с правоохранителями не имел, значит, меня в их базе нет. А нет в базе – поиск бесполезен. Ну, развешают менты мое фото по отделениям и постам, если, конечно, Гронский послушается Шерхана, только все без толку, там таких фото и фотороботов целые стенды. Так что не беспокойся, пацана бы поскорее вывезти в город, а остальное ерунда.

– Ну-ну. Оптимизм – это хорошо, – покачал головой Ступак и налил себе еще виски. На что Репнин заметил:

– Ты бы меньше пил, Тихий, а то позвонит Шершень, что пацана везут в город, а ты работать не сможешь. Вот тогда у тебя точно возникнут крупные проблемы. Шерхан на расправу крут.

– Откуда тебе знать, крут или не крут на расправу Караханов? Ты у нас без году неделя, а я с ним еще в девяносто пятом году федералов мочил. И не надо мне советовать. Я знаю что делаю.

– Дело твое! Пойду-ка подремлю в спальне, по телевизору все равно ничего подходящего нет.

– Чтобы потом ночью сидеть за компьютером? В игрушки играть?

– Я кому-то мешаю?

– Нервируешь.

– Успокоительное выпей, – бросил Репнин и ушел в спальню.

Ступак, проводив его взглядом, усмехнулся. Деловой! Считает, что «бабки» уже в кармане, а врубиться, что Шерхан просто подставляет его, не может. Да это и к лучшему. Мучиться не будет, когда Шершень удавит. Умрет сразу, так ничего не поняв. Легкая смерть. Хорошая. Потому-то Шерхан и выставляет Акробата перед камерами, что знает: труп ничего не скажет. Вроде умный мужик Аркадий, а не догоняет, что в таких делах от исполнителя главной роли избавляются. Вот что значит нет опыта. Но черт с ним. Пусть пока живет с надеждой стать богатым, занять дом в Испании и кайфовать до старости. Мечтать, как говорится, не вредно.

Ступак сделал глоток виски. В одном прав Акробат – пить надо завязывать. С завтрашнего дня ни капли. А то действительно можно налететь на очень крупные неприятности. Шерхан никого не пожалеет. Он просто не знает, что это такое, жалость. Потому-то до сих пор и держится на плаву, другие уже сгнили в лесах да горах. Те, с кем против федералов воевали. А Шерхан не только ушел, а продолжил дело. Интересно, сколько у него на счетах «бабок»? Наверняка миллионы, а все не уgomонится. Хотя такие, как он, на покой не уходят, война для них смысл жизни. Впрочем, разве он, Тихон Ступак, не такой? Тоже мог бы беззаботно жить в Украине, денег хватит на все, однако остается с Шерханом, потому что, как и он, без войны уже не может.

Ступак выключил телевизор, прошел на лоджию, присел на стул, прикурил сигарету. Небо на западе заволакивали тучи, значит, будет дождь. Хотя здесь это не факт. Москва слишком велика, в одном округе может лить ливень, в другом светить солнце. Большой город. И бестолковый. Но ничего, скоро страх вновь поселится в сердцах москвичей. Как взлетят на воздух с пяток кафе и ресторанов, так сразу все изменится в этом проклятом городе. Выкурив сигарету, Ступак вернулся в гостиную, прилег на диван. Нет ничего хуже ожидания. Если догнать еще можно, то время не ускоришь и не затормозишь.

Ровно в 20.00, закончив очередную смену дежурства, Шерстаков завел двигатель «Ниссана», отъехал от кафе, за усадьбой Гронского развернулся и повел машину к городу. Через сорок минут, пройдя загородное шоссе и небольшой участок Московской кольцевой автодороги, на развязке ушел в пригород. В 21.10 ему удалось впихнуть «Ниссан» на стоянку возле «Макдоналдса». Маневрируя, он видел «Опель» Степана Безродько, или Дикобраза, как называли его в банде. Заглушив двигатель, Шерстаков остался в машине. Через минуту к нему с небольшим чемоданом на заднее сиденье подсел Безродько:

- Привет, Шершень!
- Как у вас говорят, здоровеньки булы?
- У нас по-всякому говорят. Принимай технику!
- Что за аппарат? Я такого раньше не видел.
- А черт его знает, Шерхан сказал передать, я передаю, а ты уж разбирайся сам.
- Ладно. Посмотрим, что всучил мне босс! Не хочешь перекусить?
- Где? В этом американском гадюшнике? – скривился Дикобраз.
- От американцев одно название. Я здесь, как приехали, питаюсь.
- И как только можешь жрать это дерьмо?
- Спокойно. Мне главное, чтобы желудок не был пустым.
- Это же сколько ты здесь бабла в день оставляешь?
- С каких это пор ты считаешь мои деньги?
- Я не считаю, я просто спросил.
- Не твое дело.
- Понял, отваливаю. Не забудь передать Тихому, чтобы подтвердил получение прослушки.
- Не забуду.

Бездорько ушел. Вскоре его «Опель», объехав здание, скрылся из вида, а Шерстаков зашел в «Макдоналдс».

В 21.50 он, припарковав «Ниссан» в углу двора, был уже в квартире, где временно обитала банда Ступака.

Тот встретил его вопросом:

– Прослушку получил?

– А это что, по-твоему? – поднял чемодан Шерстаков.

– Вообще-то похож на большой кейс.

– Аппаратура внутри. С ней еще разбираться надо, я с такой не работал.

– Так разбирайся.

Шерстаков переоделся, вымыл руки и на кухонном столе открыл чемодан.

– Ни хрена себе, – воскликнул он, – вот это аппарат!

– Что такое? – спросил Ступак.

– Звони боссу, скажи, на присланной аппаратуре я не смогу работать.

– Почему?

– Потому что в этой, – он посмотрел на маркировку, – в этом «Эхо» я ничего не понимаю. Здесь все не так, как в обычном «Колибри». Непонятно, зачем Шерхан прислал какую-то навороченную систему? Мог бы и попроще прослушку достать, ту же «Колибри». Там все ясно, а тут ни тарелки, ни приближающегося микрофона, дисплей какой-то, масса кнопок без обозначений. Нет, Тихий, я не смогу с ней работать.

– Тоже мне, специалист, – недовольно пробурчал главарь банды, – и чему тебя учили?

– Ну уж точно не работать на этих замороченных японских штуках.

– Значит, не разберешься?

– Да здесь даже инструкция в иероглифах. Ты что-нибудь понимаешь в них?

– Нет!

– Вот и я не понимаю. Будь перевод, может, и разобрался бы, но разобраться – еще не значит уже завтра полноценно использовать эту систему.

– Ладно.

Ступак достал сотовый телефон, набрал номер Караханова:

– Это я, хозяин!

– Слушаю!

– Шершень забрал у Дикобраза прослушку.

– Хорошо. Завтра пусть приступает к работе.

– С этим проблема.

– В чем дело?

– Он говорит, что не сможет работать с новой системой.

– А вот это плохо. Он не в состоянии разобраться с прибором?

– Не в состоянии, потому что никогда не видел ничего подобного, инструкция в иероглифах без перевода.

– Я понял. Завтра в 7 утра к вам подъедет Арчил. Он знает, как работать с «Эхо», Кокиа поедет к объекту вместе с Шершнем. Вопросы?

– Нет вопросов, хозяин!

– До связи!

– До связи.

Ступак отключил телефон и повернулся к Шерстакову.

– Что босс? – кратко спросил тот.

– Пришлет Арчила. Завтра в 7 часов Кокиа будет здесь, работа с прослушкой на нем. К объекту выезжаете вместе.

– Это другое дело. Я в ванную, потом в город.

– А разрешения спрашивать считаешь ненужным?

– Брось, Тихий. Какое может быть разрешение? Я свое отработал, имею полное право на отдых.

– Черт с тобой, вали! – Ступаку ничего не оставалось, как отпустить Шерстакова. В любом случае он ушел бы, так пусть будет с разрешения. – Но будь на связи.

– Я постоянно на связи, – ответил бандит, закрыл чемодан, поставил его на пол у батареи: – С этим вопрос решен. До 7 утра на хате.

– Да уж постарайся.

Спустя двадцать минут Шерстаков уже ловил такси на проспекте.

Ступак поднялся, как обычно, в 6 часов. Привел себя в порядок, заглянул в спальню Репнина. Тот безмятежно спал, отбросив легкое одеяло и обнажив свое сильное, мускулистое тело. Будить его Ступак не стал. Пусть спит, пока есть возможность.

В половине седьмого вернулся Шерстаков. По его довольному виду главарь понял, что этой ночью Шершень получил то, что хотел, но спрашивать ни о чем не стал, только предложил:

– Кофе будешь?

– С удовольствием.

Бандиты успели выпить по чашке ароматного напитка, как ровно в 7.00 в прихожей раздалась трель звонка. Приехал Кокиа. Он был опытным специалистом по электронике и мог бы спокойно зарабатывать хорошие деньги в мирных условиях. Но Кокиа подался к террористам. Как он сам объяснял, для того, чтобы мстить. У Кокиа во время осетино-грузинского конфликта погибли оба брата, старший из которых в середине девяностых воевал против федералов в отряде Шерхана. Оставшись единственным сыном в семье, Кокиа связался с Карахановым и вскоре был представлен как новый член террористической организации. В первой же операции он проявил себя жестоким и беспощадным бойцом. Тогда банда взяла трех контрактников. Шерхан приказал Кокиа убить их, когда стало ясно, что федералы не собираются выкупать своих людей. Все ждали, сможет ли интеллигент-грузин пристрелить заложников. Но Кокиа удивил даже головорезов Шерхана. Молодой грузин буквально порезал на куски пленных, при этом не проявив никаких эмоций. После страшной казни он умылся, переоделся и как ни в чем не бывало сел за стол завтракать, хотя многие свидетели кровавой расправы не смогли есть. Показав себя, Кокиа сразу же вошел в ближайшее окружение Шерхана, став его помощником. И вот теперь он, улыбаясь, вошел в квартиру. Вежливо поздоровался со Ступаком и Шерстаковым, отказался от кофе, сразу перейдя к делу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.